

Марис ЛИЕПА: «МОИ ГЕРОИ — РОМАНТИКИ»

Ему тридцать три года. Он в расцвете творческих сил, в зените успеха. Да, он хороший танцовщик, отличный актер. Мастер, который постиг глубинные тай-

ны своего искусства и который тем не менее не считает возможным отказываться от ежедневного, чернового труда.

Английские газеты писали: «Его тело думает, мозг — танцует». Критики называли Мариса Лиэпу Лоуренсом Оливье в балете. Это после «Спартак», после партии Красса...

Пластикой, движениями Лиэпе удалось создать образ большой драматической силы, достоверности, психологической глубины. Его Красс красив и царствен. Но

вглядитесь, сколько злой силы в этой красоте и сколько жестокости в этой царственности. Его власть — разрушающая власть насилия, власть, противопоставившая себя истинному героизму, подлинной любви, высокому мужеству. И потому танец Лиэпы, каждое движение тела — все полно некой сатанинской одержимости, беспощадного ликования...

Одиннадцать лет назад Марис был принят в труппу Большого театра. У него за плечами была Рижская хореографическая студия. Была поездка в Москву, на смотр хореографических училищ. Однако вряд ли можно утверждать, что Лиэпа пришел в Большой театр уже вполне сложившимся актером.

Он не баловень судьбы, не принц удачи — поначалу в Большой театр его не принимают. Он огорчен, но понимает: еще не пробил для него час творческой зрелости, он лишь на пороге ее. Работает в Рижском

театре оперы и балета, затем в Московском театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Напряженнейший труд, десятки ролей классических, характерных.

Из Риги Лиэпа приехал учиться в Москву. Был уверен, что слаб физически, и взялся за штангу; был неуверен в своей технике — и начал заниматься балетом неистово; был огорчен, что мало знает, — стал читать ночами, урывая время и у без того короткого сна.

Сейчас, мне кажется, самое время спросить его:

— Как вы относитесь теперь к своей работе?

— Каждый спектакль, как битва, в которой я обязан победить. С каждым днем еще сильнее ощущаю свою ответственность, еще больше нервничаю: вдруг что-то не выйдет, вдруг что-то не так...

Он вышел на сцену Большого театра. И многое пересмотрел, передумал, переоценил, прежде чем

его творческое «я» приобрело вполне определенные, никому более не свойственные черты.

Его герои — герои романтические. Лиэпа-кавалер, Лиэпа-принц, Лиэпа-влюбленный... Зигфрид, Ромео, Дезире, Альберт, Жан де Брие — все эти образы удавались ему, ибо в каждом из них он открывал для зрителя нечто новое, а для себя — свои возможности.

Вот «Жизель» — балет традиционный, классический. И новому, казалось бы, путь здесь заказан, тем более в роли, которую уже танцевали блестящие мастера. Но Лиэпа находит свою трактовку образа, не похожую на то, что было прежде.

Лиэпа-князь не вызывает у зрителей гнева, напротив, он достоин симпатии, заслуживает сожаления. Ибо его любовь к крестьянке — это и глубокое, искреннее чувство, это, одновременно, и вы-

зов обществу, закостеневшая мораль которого не терпит ни малейших посягательств на свои устои.

В сокровищнице мирового хореографического репертуара есть балет Михаила Фокина «Видение розы». В 1967 году — после пятидесяти лет путешествия балета по странам мира — Марис Лиэпа вернул его на русскую сцену.

Десять минут спектакля стоили ему десяти лет напряженнейшего труда. Он собирал балет буквально по крохам — по статьям критиков, по воспоминаниям очевидцев первой постановки, по рисункам и фотографиям из театральных архивов. Лиэпа не только возобновил балет, но и исполнил в нем главную роль, по-своему прочтя музыку Вебера, точно уловив своеобразие и тонкость фокинской хореографии.

Потому-то так дорог ему этот балет; потому-то, когда я спрашиваю, какие свои работы считает он

наиболее значительными, Лиэпа отвечает:

— Во-первых, «Видение розы». Во-вторых, Ромео, потому что я с наслаждением играю Шекспира. И, конечно, «Спартак» — Красс. Роль, которая, мне кажется, стала синтезом всех моих ролей.

У него трудное искусство. Едва придя в себя после огромной нагрузки очередного спектакля, он снова встает к станку — такому же, как и в школе, и повторяет все сызнова: и раз, и два, и большой батман вперед, и в сторону, и назад... И раз и два... Его удел — поиски совершенства; оттого не будет конца его вечному ученичеству.

Последний вопрос Марису Лиэпе: — Ваши планы?

— Конкретных нет. Есть мечты, желания. Хочу, чтобы в балете еще раз был воплощен Шекспир. И чтобы в этом балете я танцевал.

Нина ПЛЕХАНОВА.